

УДК 728.83

Д.И. Гангур

Н.А. Гангур

Гангур Дмитрий Иванович, аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: gansko@mail.ru

Гангур Наталья Александровна, доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: gansko@mail.ru

**УСАДЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БРАТЬЕВ
ПРОКОФИЯ И НИКИТЫ НИКОЛЕНКО В ЗАКУБАНЬЕ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

В статье впервые рассматривается история создания и функционирования двух крупных экономий Лабинского отдела Кубанской области, принадлежавших представителям купеческого рода Николенко – братьям Прокофию и Никите Фомичам. Основой данного комплексного исследования стали разноплановые источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот: воспоминания потомков Н.Ф. Николенко, архивные документы. Осуществляется попытка реконструкции социально-экономической и культурной жизни в экономиях братьев Николенко. Значительное место в статье уделено искусствоведческому анализу усадебных ансамблей, а также биографиям их владельцев.

Ключевые слова: Кубань, усадьба, экономия, Николенко, история культуры.

D.I. Gangur

N.A. Gangur

Gangur Dmitriy Ivanovich, graduate of department of history, culturology and Museology of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: gansko@mail.ru

Gangur Natalya Alexandrovna, doctor of historical sciences, professor of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: gansko@mail.ru

PROKOPHY AND NIKITA NIKOLENKO'S HOMESTEAD COMPLEXES IN ZAKUBANIE: HISTORICAL AND CULTURAL RECONSTRUCTION

The history of the creation and operation of two large economies of Labinsk department of Kuban region, which belonged to the members of Nikolenko merchant family, the brothers Prokofy and Nikita Fomich, is first to review in this article. The diverse sources, many of which were first introduced into scientific circulation: the memories of the descendants of N.F. Nikolenko, archival documents, become a base of this comprehensive study. Socio-economic and cultural life in the economies of the Nikolenko brothers is being made to reconstruct. Art history analysis of homestead ensembles, as well as the biographies of their owners is given a significant place in the article.

Key words: Kuban, manor, economy, Nikolenko, history of culture.

В настоящее время изучение усадебного наследия России стало важным и необходимым фактором формирования целостной картины исторического прошлого нашей страны, в том числе и отдельных ее регионов. Данная статья продолжает череду авторских публикаций, посвященных теме усадебного наследия Кубани. Предметом изучения в

данной статье стали две усадьбы представителей известного кубанского купеческого рода Николенко – братьев Прокофия и Никиты Фомичей. При подготовке материала был использован широкий круг разнообразных источников: полевые материалы, архивные документы, дореволюционные периодические и справочные издания, фотографии, эпистолярное наследие (семейный архив).

Прокофий и Никита Николенко были сыновьями крупного кубанского предпринимателя, екатеринодарского купца Фомы Акимовича. Кроме Прокофия и Никиты у Фомы Николенко был еще старший сын Яков, обосновавшийся в юрте селения Ново-Кубанского в имении «Барвинок» [1, с. 45–63; 2].

Два брата, несмотря на почти десятилетнюю разницу в возрасте, были крепко связаны между собой кровнородственными узами и имущественными отношениями, что отразили дореволюционные и советские документы, в которых они упоминаются «нераздельно» как Бр. Николенко. Прокофий родился в 1867 году в Екатеринославской губернии или на Кубани, куда перебирается вместе с семьей в конце 1860-х годов его дед Аким Семенович. Никита Фомич родился на Кубани в 1876 году.

История создания их имений начинается с конца 1870-х. В 1877 году Екатеринодарский 2-й гильдии купец Фома Николенко покупает у сенатора, генерал-лейтенанта Г.И. Филипсона участок незаселенной земли общей площадью 6035 дес. 100 кв. сажень, находившийся в Баталпашинском уезде (бывший Урупский округ) Кубанской области. В купчей крепости оговаривались условия купли-продажи. Значительную по тем временам сумму в размере 111000 руб. серебром «покупщик» должен был оплатить несколькими частями. Первую, в размере 10000 рублей, Фома Акимович оплатил в качестве аванса накануне заключения сделки. Следующий самый крупный платеж в размере 70000 руб. он сделал посредством банковского перевода из Ростова-на-Дону в московскую контору Государственного банка. Оставшуюся сумму (31000 руб.) должен был выплатить в течение двух лет,

включая и 6% годовых. В купчей крепости оговаривалось, что около 22 десятин из участка было ранее продано под полотно Ростово-Владикавказской железной дороги [3, л. 3, 4, 13].

К 1911 году Прокофий и Никита владели несколькими участками земли в Лабинском и Кавказском отделах Кубанской области: в юрте сел. Кубанского – 6008 $\frac{2}{3}$ дес., в юрте сел. Новомихайловского – 4 дес., в Ванновской волости – 3499 $\frac{1}{4}$ дес. Даже автомобиль марки «Эн-А-Ге» (№ 1200 – 22х40) в реквизиционной описи 1916 года значился в их совместном пользовании [4, с. 193, 195, 294; 5, л. 2.].

В начале XX века (до 1904 г.) Прокофий и Никита не являются юридическими собственниками земли, как их старший брат Яков. В качестве владельца крупного земельного участка в Лабинском отделе (8180 дес.) фигурирует их отец Фома Акимович [6, ст. 311]. По-видимому, в собственность земля переходит к братьям после смерти отца, хотя сведения в документах весьма противоречивы. К 1920 году размеры экономий всех трех братьев Николенко выровнялись в числовом выражении – 2500 дес. земли в каждой из них. Советский агроном писал: «Имения Никиты и Прокофия Николенко расположены в юрте села Н. Михайловского близ р. Кубани. По виду и постановке в них отдельных отраслей хозяйства эти экономии уступают первому [«Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля]. Однако и здесь имеются хорошие постройки, службы, живой и мертвый инвентарь, есть ремонтная мастерская и мельница. В настоящее время в них кроме того концентрируется по распоряжению Земотдела скот. Тут для него имеется соответствующее помещение, хорошее водоснабжение, попас и др.» [7, л. 73]. Ранее, в октябре 1919 года военный ремонтер подобным образом отозвался о постановке коневодства в экономиях братьев Николенко. Как и у многих других экономистов этого района, здесь были конюшни, сараи и другие приспособления, необходимые для размещения и содержания лошадей и обслуживающих их людей. При этом он особо отметил участки в имениях Якова, Прокофия и Никиты как наиболее подходящие для

войскового конского запаса (выгула лошадей), так как на них имелись приспособленные помещения на случай несчастья, грозы и т.д. [8, л. 5].

Основными направлениями хозяйственно-предпринимательской деятельности братьев Николенко были: коневодство, скотоводство и овцеводство. Прокофий Фомич являлся действительным членом Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства, как и его дядя Лев Акимович; входил в Совет Северокавказского коммерческого банка, членом Правления которого выступал его старший брат Яков. Занимались братья и благотворительностью, в частности Никита Фомич был почетным попечителем и входил в состав попечительского совета Армавирской женской гимназии Общества попечения о детях [9, с. 15; 10; 11, с. 207–208].

В начале июля 1914 года в «Записке» в Кубанское областное правление агроном Лабинского отдела особо отметил семь частновладельческих хозяйств, «наиболее благоустроенных и выдающихся», «насчитывающих за собой десятки лет, влияние которых сказалось на окружающее население в смысле поднятия экономического благосостояния». Среди них фигурируют экономии Николенко: Якова и Прокофия Фомичей, Николая Яковлевича, стоящие вторыми в списке после «Хуторка» барона В.Р. Штейнгеля. Все названные представители династии Николенко осуществляли личный контроль над своими хозяйствами. По семейным преданиям, Прокофий ранним утром делал объезд всей экономии на лошади [12, л. 105, 124].

Братья Николенко довольно активно участвовали в предпринимательской жизни города Ростов-на-Дону, вступив в члены Общества взаимного кредита. Они были одними из первых предпринимателей, построивших в этом городе на центральной Большой Садовой улице многоэтажный (пятиэтажный) доходный дом на участке, принадлежавшем городскому голове Евстигнею Хмельницкому, ставшему затем его совладельцем. Известно имя архитектора этого, как и ряда других ростовских доходных домов, – это выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1911) Леонид Федорович Эберг.

Строительство доходного дома братьев Николенко было завершено к концу 1914 года (ныне – Б. Садовая ул., 95). Фасад модернового дома, по ростовской «традиции», украсил именной вензель из соединенных двух литер «ПН» [13]. Надо заметить, что после революции одна из дочерей Прокофия Николенко – Дарья, «унаследовала» одну из маленьких служебных комнат (без окон) этого дома, где и прожила вплоть до своей смерти.

В пространственном отношении экономия Прокофия Фомича занимала срединное положение между экономиями Никиты и Якова. Непосредственно под усадьбу было отведено 25 дес., а под сад – 10 дес. Другие источники приводят более детальную раскладку зеленых локусов: сад – 2 дес., парк – 8 дес., виноградник – $\frac{3}{4}$ дес., лес – 75 дес. На территории экономии находилось 20 жилых и хозяйственных (служебных) построек: 2 дома, 2 кухни, 3 хаты, 3 амбара, 3 конюшни, 5 сараев, депо для машин и водокачка [7, л. 69; 14, л. 12; 15, л. 21].

Экономия начала обустраиваться еще при жизни их отца Фомы Акимовича, примерно в 1880-е годы (кирпичный завод, овощехранилище, овцеводство / скотоводство и др.). По примеру многих крупных землевладельцев Кубанской области, в приобретенном имении Фома Николенко занялся коннозаводством. Из официальных отчетов следует, что как минимум с 1899 года купец Фома Николенко имел собственный конный завод в юрте селения Кубанского. В 1902 году на заводе Фомы значился один табун (4 производителя / 70 маток; 12 жеребят). Жеребцы–производители и матки были чистокровные и полукровные, английской породы, чистокровные арабские, кабардинцы и орловские рысаки. Порода производимых лошадей обозначалась как «местная» – смесь английской скаковой с восточной. Лошади этой породы имели невысокий рост, 400–500 кг веса, но обладали значительной выносливостью в условиях жаркого климата, благодаря чему отлично подходили как для выполнения сельскохозяйственных работ, так и для кавалерии. Собственный конный завод был и у его сына Якова Фомича. Надо заметить, что жеребцы заводов Николенко закупались станичными

обществами в качестве производителей, шли в ремонт кавалерии, принимали участие в скачках в Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Пятигорске, а по некоторым сведениям, в Москве и за границей [16, с. 11–12].

Коннозаводство для Николенко было не столько бизнесом, сколько увлечением. «Тавричане», к которым относили и Фому Николенко, наряду с другими предпринимателями и представителями войсковой элиты, стояли у истоков создания Кубанского скакового общества. Об этом красноречиво свидетельствует опубликованный в 1893 году в «Кубанских областных ведомостях» список лиц, внесших членские взносы во вновь образуемое общество. В то время как военные чины, дворяне и другие состоятельные лица уплатили взносы в размере 5 рублей, «овцеводы» (Фома Николенко, Николай Меснянкин, Петрики, Пеховские), внесли по 100 рублей каждый. Членство представителей династии Николенко отмечено в Ростово-Нахичеванском-на-Дону поощрительном скаковом обществе и др. [17, с. 2].

Конечно, с возрастом Фома стал постепенно отходить от дел, ведение которых переходит в руки его среднего сына Прокофия. В июне 1902 года есаул 2-го Кубанского полка Раздольский отчитывался в рапорте атаману Лабинского отдела о выполнении его предписания и представил ведомость осмотренных им имений на предмет возможных волнений сельскохозяйственных рабочих в экономиях. Он указывает владельцами имения Фому Акимовича и сына его Прокофия Фомича с пометкой: «Работает около тысячи человек, сейчас все благополучно, но опасаются беспорядков, когда начнут убирать хлеб и когда рабочих потребуется втрое больше». Обезд экономий был вызван произошедшими накануне беспорядками («бунтами») в имениях экономистов Петрика и Курьянова на хуторе Владимирском, куда по этому случаю были направлены 60 конных казаков. Эти опасения разделялись многими экономистами, так как стекавший на сельскохозяйственные работы иногородний люд, хотя и не в массе своей, но «высказывался, что хорошо бы сделать то, что было в Полтавской Губернии». Причем некоторые землевладельцы, в том числе и

Николенко, обратились к начальству с просьбой «выслать к ним в экономии на 2–3 лица строевых казаков», которых они соглашались содержать за свой счет, указав и требуемое их количество (Николенко – 10 чел.). Сельскохозяйственные рабочие особенно выражали недовольство тем, что в имениях все более использовались машины, составившие им значительную конкуренцию [18, л. 11, 12; 1, с. 109–110].

По другим официальным документам Прокофий Фомич также фигурирует в качестве землевладельца. Как видно из донесений атаманов отделов, в октябре 1903 года у землевладельца Прокофия Николенко в юрте сел. Кубанского было похищено четыре лошади, стоящие 300 руб., и вещей на сумму в 15 руб. [19, л. 77 об.]. Прокофий, видимо, обладал деловой хваткой и предприимчивостью вкупе с другими чертами своего характера, импонировавшими его родителям и родственникам. Он входит в качестве депутата в состав правления (под председательством его дяди Льва Акимовича) Гулькевичского сельскохозяйственного общества взаимного кредита. Фома Акимович вместе с супругой Дарьей Федоровной, женщиной строгой и молчаливой, переезжают в обустроенный дом Прокофия, где и проводят остаток дней. По воспоминаниям старожилов, Фома Акимович каждый праздник устраивал семейный обед и сыновьям прививал эту традицию.

До установления советской власти на Кубани Никита и Прокофий, как и их брат Яков, покинули свои имения. В 1920 году экономии Лабинского отдела были взяты на учет местными Ревкомами или было организовано временное Управление имениями и их охрана. В экономии братьев Прокофия и Никиты Николенко Отдельским земотделом был назначен заведующим некто Герман, имевший агрономическую подготовку. Возможно, это был прежний управляющий имением Никиты Николенко, немец по происхождению. Ему вменялось в обязанность «представить планы хозяйственных работ, какие должны быть проведены в ближайшее и последующее время» [7, л. 70].

В 1920 году на базе трех экономий Николенко – Льва Акимовича («Мирская»), Прокофия и Никиты Фомичей создается советское хозяйство «Восход». Однако в этом же году в Средней экономике (бывшей Прокофия Николенко) совхоза «Восход» без согласования разместился Государственный конный завод Главного управления коннозаводства и коневодства (Гуконь) [20, л. 26; 21, л. 22].

К концу 1920 года в имении Прокофия Николенко оставалось 3500 овец, по составу смешанных пород и направлений, главным образом «мериносы». Именно сюда намечалось перевести овец из экономий других юртов, с тем, чтобы увеличить поголовье до 6000. Общее наблюдение за ними должен был осуществлять заведующий Герман. В первые годы советской власти, когда большинство имений оставались без присмотра и подвергались разграблению, экономики братьев Николенко оказались в лучшем положении. Отдельский ревком через свой земельный отдел принял необходимые меры по охране имений и организации дальнейшего их использования. С этой целью в самые видные из них («Хуторок», Прокофия и Никиты Николенко) были назначены заведующие хозяйствами и взято на учет все имущество [7, л. 72; 15, л. 17].

В начале 1921 года приказом Уполномоченного Наркомзема на Юго-Востоке России об отводе Гуконю (Главное управление коннозаводства и коневодства на территории Кавказского фронта) целого ряда ударно-боевых хозяйств Областное управление совхозами было поставлено в безвыходное положение. «Организационный план совершенно разрушается, а создавать новый в период уже начинающихся работ технически не представляется возможным. Считаясь с приказом Уполнаркомзема, Облсовсхоз находит возможным передать только совхозы: Петрик, Восход близ станции Коцебу... Причем с неперенным условием изъятия оттуда мастерских, упряжи, инвентаря, рабочего скота, мебели Райуправления и пр. материалов». Так начиналась советская история бывших имений братьев Николенко [22, л. 28].

Ныне усадебный дом Никиты Фомича занимает административное учреждение – открытое акционерное общество конный завод «Восход» (п. Восход, ул. Новокубанская, 4). А в усадебном доме Прокофия Фомича в конце 1950-х годов расположился музей конного завода.

Усадьбы Прокофия и Никиты Николенко сохранились до наших дней. Экстерьер обоих зданий имеет незначительные утраты отдельных элементов и более поздние приращения, чего нельзя сказать об изначальном внутреннем убранстве, которое утрачено практически полностью.

Северные въездные ворота в усадьбу Прокофия Николенко некогда представляли собой монументальное сооружение, воспроизводившее в основных чертах композицию трехпролетной триумфальной арки. Сейчас ворота утрачены, остался только фрагмент пилона. Фотографии середины XX века дают общее представление об архитектурных особенностях и декоре парадных ворот. Арка была сложена из кирпича и вытянута в ширину, при этом декоративная стенка над проемами – аттик отсутствовал. Вместо последнего на плоской кровле, над боковыми проемами были установлены декоративные вазоны (урны) на высоком ступенчатом основании. Центральный широкий проем (пролет) завершала полуциркулярная арка с архивольтом, сложенная из узких клинчатых кирпичей и «запирающим» ее замковым камнем, который венчал декоративный элемент (фастигий), возможно, также вазон. Стены проездной арки оформляли наборные полуколонки, воспроизводившие в миниатюре оконный (наборной) наличник в древнерусской архитектуре.

Композиция обрамляющих декоративных элементов имела замкнутый характер и тектонически разделялась на основание (цоколь), три разных ширины яруса и навершие – широкую «полочку» с треугольным фронтоном. Колонки верхнего и нижнего яруса имели плоский фуст (пилястра), а среднего – полукруглый. Мотив полуколонн используется для заполнения прямоугольных ниш (по четыре в каждой), устроенных в верхней части стен боковых пролетов. Классические реминисценции не мешают восприятию

архитектурной темы, облаченной в декоративные формы «русского стиля». Сейчас от арки остался один полуразрушенный пилон с двумя наборными «поясками» из колонок и часть глухой кирпичной стены, оживляемой лопатками. Как и во многих других экономических имениях, кирпичная стена, по-видимому, некогда охватывала всю территорию экономии либо только усадьбу. Широкая дорога (ныне улицы Гагарина – Горбатко) соединяла экономии трех братьев Николенко – Никиты (северная), Прокофия (средняя) и Якова (южная). Северная и южная («Барвинок») экономии находились на расстоянии примерно 4-х км (3,5 версты) друг от друга.

Рис. 1. Северные въездные ворота в усадьбу П.Ф. Николенко (не сохранились)

Сразу за северными воротами, резко поворачивая влево от дороги, отходила подъездная аллея, подводившая к двухэтажному усадебному дому, расположенному в глубине полукруглого двора. Перед домом, обращенным своим главным фасадом на запад, был разбит небольшой сад с декоративными растениями и хвойными деревьями. В северной части двора, со стороны бокового фасада, прятался среди растений и стволов деревьев фонтан, от которого сохранился восьмигранный (октаэдр), частью разломанный бетонный резервуар. В саду, перед главным фасадом, по оси центрального входа раньше находился либо фонтан, либо цветник. Сейчас

аккуратная дорожка, вымощенная плитами, подводит к скульптуре знаменитого скакуна Анилина, установленной на невысоком постаменте, помещенном в круглый резервуар – клумбу. В юго-западной части двора, поодаль от дома, находится деревянная (шалеванная) квадратная постройка на высоком кирпичном фундаменте – павильон, называемый старожилами «чайным домиком». Это своеобразный сельский «монплеизр» – увеселительный парковый павильон, чаще использовавшийся для игры в бильярд. Павильон сразу привлекает к себе внимание яркой двухцветной (интенсивный синий / белый) окраской и затейливым резным декором в «русском стиле». Со стороны фасада, обращенного к дому, устроено широкое деревянное крыльцо с каменными ступенями (с двух сторон). Спереди крыльцо имеет глухой парапет и три тонких граненых столба с декоративными фигурными кронштейнами, поддерживающими двускатную кровлю. Карниз, тимпан фронтона, фриз украшены накладными элементами и пропиловыми узорами. Двойная бахрома из просечного железа и пропиловочных элементов повисает под карнизом крыши павильона. Южный и северный фасады постройки оформлены в едином стиле. В центре – прямоугольное окно с профилированным узким наличником, по сторонам – ложные окна с полуциркульным завершением, фланкируемые сдвоенными тоненькими «пилястрами» с резными кронштейнами. Над центральным фасадным окном карниз крыши раскреповывается, переходя в полукруглый выступ – своеобразная метонимия светелки – и в него «вписан» накладной орнамент в виде круга с шестилепестковым цветком (символ солнца).

Такие же накладные цветы-розетки помещены над ложными окнами, а их трехлепестковые сегменты – в полукруглые оконные «тимпаны». Домик имеет высокий цоколь (вертикальная обшивка) с профилированным кордоном (карниз); четырехскатную железную кровлю венчает пирамида на высоком основании, оббитом металлическими пластинками-чешуйками. Последние по форме близки полукруглым элементам пропилового узора карниза крыши. Ребра крыши и венчающей пирамиды украшают широкие

полосы металлического кружева. За долгий период истории усадьбы павильон не раз менял свои функции, даже служил магазином.

На некотором удалении от дома в южной части двора находится водонапорная башня, возведенная из кирпича. По описи 1920 года в имении значится водокачка, по сведениям старожилов, подача воды в башню производилась из колодца с помощью тягловой силы (конский привод). Башня имеет восьмигранную форму и два яруса, разделяемых промежуточным карнизом. Каждая грань оформлена в виде порталной композиции – лопатки, смягчающие острие ребер, сравнительно широкая арка из клинчатых кирпичей и несколько «перспективно» сокращающихся арок с архивольтами, опирающихся на пяточные выступы.

На территории бывшей усадьбы сохранились и другие кирпичные постройки различного назначения. Частью они «смешались» со строениями, возведенными в середине двадцатого столетия, в основном конюшнями. По данным описи 1920 года, в имении находились три конюшни. На одном из кирпичных строений, в «тимпане» разорванного фронтона, по сторонам небольшого круглого светового окна («бычий глаз») и сейчас можно увидеть рельефные литеры и цифры: «П Ф Н» / «1 9 1 4 Г.». Ложный вход на фасаде конюшни оформлен в виде широкой арки из клинчатых кирпичей и двух полуколонн. Арка, ритмично оживляемая по всей полуокружности замковыми камнями, опирается на импосты (квадратная плита – абака), поддерживаемые полукруглыми выступами (эхин) капителей. Изрезанный, уступчатый абрис арки перекликается с рисунком кирпичной кладки на угловых «лопатках» здания. Два прямоугольных окна, расположенных симметрично по сторонам ложного входа и акцентированных сандриками и подоконными нишами, оживляют поверхность фасада главного корпуса. Правое и левое крылья здания подчиняются единому принципу оформления: профилированные карнизы, горизонтальные тяги, вытянутые прямоугольные окна-фрамуги, высокие вертикальные ниши с сандриками. В этом же ряду находится и здание другой конюшни, презентующее на фасаде элементы

фигурной кирпичной кладки. В одной из ниш над окном выложена крупными цифрами и литерами маркирующая дата: «1951 г. В о с х о Д».

На приусадебной территории по сторонам двора (по типу курдонера) расположены и другие «хорошие», как в свое время выразился советский специалист, кирпичные здания. Фасады жилых строений обогащены кирпичным декором, концентрирующимся под карнизом крыши, на фронтонах, окнах. Низкие, вытянутые в длину хозяйственные постройки, в частности кухня (с подвалом) и деревянным навесом на столбах, складские помещения, не выделяются пластической разработкой фасадов.

Доминантой всего ансамбля являлся владельческий дом – двухэтажный корпус с угловым ризалитом и асимметричными одноэтажными крыльями (северным / южным), с прерывистой линией фасада, создаваемой выступами и уступами. Стены дома окрашены, не считая серого цоколя с кордоном, в два цвета: зеленовато-голубой и белый (декор), вызывая аллюзии с окраской растреллиевских барочных построек. Южное крыло завершается флигелем, имеющим отдельный служебный вход, оформленный в виде крыльца с аркой. Главный вход в здание располагался на переднем, западном фасаде в сильно выступающей вперед прямоугольной одноэтажной пристройке с плоской кровлей и кованым парапетом – балконом. В ней расположен парадный вестибюль / тамбур, освещаемый двумя большими прямоугольными окнами переднего фасада и одним угловым – бокового. Вход оформлен в виде портала – широкая арка с архивольтом, прорезающая стену, по сторонам две массивные колонны на постаментах. Вблизи впечатление мощи / монолитности создается за счет парных полуколонн с романской кубоватой капителью и такой же базой (антитезис), приставленных к фланкирующим вход «пилонам» (имитация кирпичной кладки), «поддерживающим» балкон посередине. Подобные колонны с кубоватыми капителями нередко применялись в декоре храмовой архитектуры русского / русско-византийского (неовизантийского) стилей, особенно в оформлении порталов и окон, в том числе и в соборах г. Краснодара, построенных по проекту И.К.

Мальгерба (Екатерины Великомученицы; 1900–1914; Троицы Живоначальной, 1899–1910). Углы пристройки и ризалита акцентированы рустованными «пилястрами», окна – лучковыми наличниками с замковым камнем. Верхняя часть здания обогащена пластическим декором – тягами, дентикулами, нишами и т.п. Поверхность стен оживляют рустованные или гладкие пилястры (лопатки) и оконные наличники, причем на втором этаже главного корпуса и те, и другие отсутствуют. Прямоугольные окна оформляют сверху наличники лучковой формы с замковыми камнями, а внизу (подоконье) – прямоугольные ниши. На южном крыле и флигеле декор подоконья усложняется высоким рельефом кирпичной кладки – подоконная плита профилируется криволинейным обломом.

Рис. 2. Усадьба П.Ф. Николенко. Вид на передний фасад

Рис. 3. «Чайный домик» в усадьбе П.Ф. Николенко

На восточном заднем фасаде и на торцах выступающих объемов крыльев кирпичный декор получает иную аранжировку. Он концентрируется под венчающим и промежуточным карнизами главного корпуса, заполняя надоконную плоскость фасадной стены. Сандрик завершается полукруглым фронтоном, обрамленным широкой аркой с архивольтом. Эти полукружия перцептивно вызывают ассоциации с кокошником – декоративным элементом в древнерусской архитектуре. Функцию подоконья выполняет горизонтальная тяга прясла. Рустованные угловые пилястры оформляют гладкие полупилястры. На уровне второго этажа, охватывая два прясла, расположен балкон с бетонной плитой и решетчатым металлическим ограждением.

Старожилы вспоминают о сиреневой аллее, которая вела к так называемому крестьянскому пруду. Много было насажено вокруг дома хвойных деревьев, в основном сосен. Парк не сохранился, а сосны разбавляют лиственные породы на отдельных локусах переднего двора.

Биографических сведений о Прокофии Фомиче и его семье известно мало. От брака с женой Пелагеей он имел двух дочерей – Анну (Нюра) и Дарью. Пелагея была очень «характерной», ретивой женщиной. В семье вспоминают эпизод, когда мать, узнав о предстоящем браке ее дочери Анны с инженером путей сообщения, накинулась на «незавидного» жениха и в порыве стала бить его зонтиком. Дарья, названная в честь своей бабушки, жены Фомы Акимовича, вышла замуж за Василия Яковлевича Угрюмова. Он работал в совхозе, но по трагической случайности был убит милиционером на глазах своей жены. Дарья жила в Ростове-на-Дону, занимая одну из темных «клетушек» бывшего доходного дома Бр. Николенко на Большой Садовой улице. Внучка Никиты Фомича М.В. Сорокина так описывает свои впечатления об этой женщине: «Мы с мамой были у нее в 1963 году. Я никогда не видела таких красивых пожилых женщин, как тетя Даша. Копна пышных седых волос, карие выразительные глаза, решительная походка. Исключительное трудолюбие и аккуратизм! Все унаследовала от родителей и

в том числе от мамы «характер». Никаких жалоб на жизнь, на жилье...». Ее мать, Пелагея, умерла до революции, а отец, Прокофий Фомич, эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, куда в мае 1919 года стали прибывать первые русские беженцы. В.Н. Леонтович, писатель, участник белого движения на Кубани, в изданных в Мюнхене в 1923 году мемуарах отметил семью Николенко в числе «многих других, широко откликнувшихся на нужды формирований отрядов... Многие из них впоследствии заплатили за свои симпатии к нам, иные – увы! – жизнью, а другие изгнанием» [23, с. 19]. В Королевство СХС эмигрировали Никита Фомич и Николай Яковлевич (сын Якова Фомича).

Прокофий Фомич Николенко, российский гражданин, умер 31 декабря 1946 года; похоронен на «Русском кладбище» в г. Белграде, существующем на территории так называемого Нового кладбища (*Ново Гробле*) – старинного сербского некрополя. Здесь же похоронен и его племянник Николай Яковлевич (1885 г.р.), тоже эмигрировавший в Королевство СХС, но умерший десятью годами ранее (1 мая 1936 г.). Его мать Вера Степановна и младший брат Алексей Яковлевич эмигрировали во Францию. Мать скончалась 14 марта 1928 года в Париже, а брат дожил до своего 80-летнего юбилея (ум. 12 июля 1969 г.) [24, с. 126, 127].

Экономия Никиты Фомича находилась севернее от описанной средней экономии его брата. В его имении усадьба занимала 25 дес., а сад – 8 дес. Сведения о площади под садом в другом источнике разнятся – 2 дес., но добавляется лесной массив – 72 дес. Построек в экономии насчитывалось почти в два раза больше, чем у Прокофия: 6 домов, 4 хаты, 2 казармы, 4 амбара, 7 сараев, 2 конюшни, 2 свинарни, птичник, кухня, ледник, кладовая, депо, водокачка, мукомольная мельница («крестьянского помола с крупорушкой и просорушкой») и училище [7, л. 69, 70; 14, л. 12; 15, л. 21].

Сразу обращает на себя внимание, что обе усадьбы строились в одно и то же время и по проекту одного архитектора, с учетом, безусловно, ландшафта и рельефа местности. Южные въездные ворота существенно

отличались по концепции от «триумфальных» ворот «русского стиля» в усадьбе Прокофия. Вход оформляли два массивных «граненных» пилона, сложенных из кирпича, с карнизом, дентикулами, нишами и т.п. Между ними крепились широкие металлические ворота, две створки которых завершались полуарками. Рисунок решетки создавался метрическим рядом тонких прутьев-пик разной высоты, вверху повторявших форму арки ворот. По низу створок проходил широкий орнаментальный бордюр из вертикальных сигм, а вверху, у начала арки – узкий бордюр из кругов. С двух сторон имелись калитки, повторявшие форму и рисунок въездных ворот. На вершинах пилонов стояли каменные изваяния львов – охранителей входа, апотропеев. Животные были представлены сидящими, правой лапой опирающимися на шар – символ бдительности, неусыпного стража [25, с. 101]. По этому поводу вспоминаются слова А.С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»: «С подъятой лапой, как живые, / Стоят два льва сторожевые...». Образ льва-стража был очень популярен в искусстве Итальянского Возрождения (охранял порталы, лестницы, ворота). Каменные и чугунные львы часто встречаются в русских усадьбах, парках Павловска, Царского Села, Марьино и др. Шары венчали пилоны кирпичной фигурной ограды. Львы, как и шары, до нашего времени не сохранились. Остались только фрагменты ограды и массивные пилоны ворот, в верхней части сейчас полуразрушенные.

Парадный двор перед усадебным домом – курдонер имеет прямоугольную форму, по-видимому, здесь когда-то были разбиты ровные дорожки с боскетами, декоративными цветами, деревьями и хвойными породами. В верхней части двора, по оси главного здания, располагался фонтан, от которого сохранился круглый кирпично-бетонный резервуар.

При въезде, смыкаясь с частью фигурной ограды, вдоль двора вытянулось параллельно главному фасаду длинное, кирпичное здание, в котором располагались конюшни и другие службы. Главный фасад, обращенный к усадебному дому, в центральной части оживляют, а по углам акцентируют лопатки, сильно выступающие за плоскость стены. Ритм их

неравномерный, с разными интервалами, лишенный метрической организации. Эти интервалы, или ширина прясел стены, определяется ритмическим «движением» оконных проемов, имеющих полуциркульное завершение. В левой части стена разделена на два широких прясла с парными окнами и одно узкое (между ними), также с окном. В центральном широком прясле расположены: входной проем, ныне заложенный, и окно, в правой части стены – четыре узких прясла, прорезаемых окнами. Все проемы оформляет сверху двойной ряд архивольт, близко подходящих к дентикулам широкого карниза здания, а внизу – горизонтальная тяга с подоконными прямоугольными сандриками. По периметру двора располагались и другие кирпичные строения, некоторые из них частью сохранились. Их фасады, хотя и в меньшей степени, имеют фигурную кирпичную кладку под карнизами и над окнами.

Доминантой всего архитектурно-паркового ансамбля являлся кирпичный усадебный дом с центральным двухэтажным объемом и асимметричными одноэтажными крыльями с ризалитами. Сразу обращает на себя внимание по-барочному активная пластическая разработка фасадов, подчеркнутая двухцветной штукатуркой – белые рельефные детали эффектно выделяются на изумрудно-зеленых плоскостях стен. В пластическом обогащении фасадов используются широкие профилированные карнизы с дентикулами, пилястры, сдваиваемые на углах ризалитов, ниши, горизонтальные тяги, наличники с замковыми камнями и т.д., а в создании динамики объемов – многочисленные раскреповки, выступы, уступы. Часто звучит тема с вариациями в декоративной разработке наличников окон и особенно аттиков ризалитов и центрального двухэтажного объема. Надкарнизная декоративная стенка приобретает сложную форму типа щипца или оформляется фронтоном, по сторонам обрастает многоярусными башенками, пирамидками и т.п. При общем движении вверх архитектурных объемов / масс, модульоны, дентикулы и многослойный рельефный декор, оформляющий карнизы, создает эффект провисающей кирпичной бахромы.

Надо заметить, что каждый объем имеет собственное покрытие, что в целом создает сложный рельеф металлической кровли. Со стороны переднего двора, анфас, хорошо просматривается (даже сквозь крону хвойных деревьев) протяженная линия переднего, южного фасада с главным центральным входом, над которым вместо козырька нависает широкий балкон с кованой решеткой ограждения. Боковые – северный и южный фасады также имеют выступающие объемы (ризалиты), еще более увеличивающие протяженную, хотя и прерывистую линию фасада здания. При переходе одного объема в другой на торцах стены приобретают еще большее количество выступов, раскреповок, создающих внизу прямолинейное, а вверху – криволинейное движение. При пластической разработке фасадов также используется принцип одинаковости и разнообразия. К южному ризалиту пристроена со стороны заднего фасада деревянная застекленная веранда. Окрашенная в яркий синий цвет она «выпадает» из общего ансамбля. Задний, восточный фасад лишен помпезности, присущей переднему и даже боковым фасадам. Линии карниза здания успокаиваются, выпрямляются, исчезают декоративные стенки над карнизами, башенки, фронтоны, уплощается фасадный декор. Здесь в разработке стен также используются пилястры, горизонтальные тяги, ниши, оконные наличники из архивольт и т.д. На уровне второго этажа расположен широкий балкон с решетчатым кованым ограждением, охватывающий почти три проема – центральный входной и два боковых оконных (доходя до их середины). С этого балкона домочадцы любовались кирпичной лестницей, сбегавшей с крутого склона, на краю которого «застыл» особняк, раскинувшимся внизу парком и безбрежной гладью водоема в юго-восточной части усадьбы. Лестница, расположенная почти по оси центрального двухэтажного корпуса, прерывисто сбегает вниз, подчиняясь рельефу склона. Вначале по обеим сторонам лестничного марша идет уступами высокая стена, затем она делает резкий поворот, переходя в большой полуовал и теряя высоту. На этой вместительной площадке, по-видимому, стояли

каменные скамьи для отдыха во время подъема или спуска в парк. После короткой остановки лестница продолжает движение вниз, более равномерное, которому подчиняется и уступчатый ритм низкого парапета. На отколовшихся от лестницы кирпичах отчетливо видны клейма «Бр. Н». Внизу и по пологим склонам был разбит сад, переходивший в лес с заболоченными островками в нем. В лесу Никита охотился с гостями, для чего и держал свору гончих собак.

Рис. 4. Н.Ф. Николенко с супругой А.И. Николенко (Бабкиной). 1900-е гг.

Рис. 5. Усадьба Н.Ф. Николенко. Вид на передний фасад

Прекрасный вид на озеро и лежащий внизу парк открывался из беседки (бельведера), стоявшей на краю обрыва рядом с домом в юго-западной части усадьбы. Беседка не сохранилась, но о ней еще помнят старожилы.

В начале мая 2018 года из Санкт-Петербурга в Гулькевичи впервые приехала внучка Никиты Фомича Марина Вячеславовна Сорокина, вместе со своей дочерью Людмилой Александровной Гройсер. Они посетили бывшие усадьбы Николенко в Гульквичах и Новокубанском районе, в том числе и родовое имение, где прошли детские годы матери Марины Вячеславовны. В семейном архиве сохранились редкие фотографии членов семьи Никиты Николенко и их родственников. По отдельным, отрывочным воспоминаниям Марины Вячеславовны Сорокиной мы можем составить фрагментарное представление о жизни в усадьбе, вкусах и нравах ее обитателей. Анна

Ивановна, судя по сохранившимся фотографиям, была хрупкой, элегантной и очень милостивой женщиной, с мягкими, округлыми чертами лица, темными бархатными глазами, вьющимися густыми волосами, которые по моде того времени укладывала наверх. Анна, по-видимому, любила носить длинные платья из светлых мягких и полупрозрачных тканей, с кружевными отделками, оборками и другими украшениями, перехваченные в талии широким поясом. Горделивую осанку ее мужа Никиты подчеркивал темный костюм-тройка, с галстуком, белой накрахмаленной рубашкой (воротник), плотно облегающий его коренастую фигуру. Во взгляде небольших, глубоко сидящих глаз, сквозит уверенность. Круглое, холеное лицо с припухшими щеками, франтоватыми усами и лысеющим лбом имеет черты фамильного сходства. Это заметно при взгляде на фото его старшего брата Якова Фомича. Даже жены двух братьев кажутся очень похожими, что выражается в их грации, мягких, округлых очертаниях лица, высоких прическах и даже светлых полупрозрачных платьях. Никита Фомич женился позже своих братьев, и от брака с первой женой Анной Ивановной, урожденной Бабкиной, у него было пятеро детей: три дочери – старшая Дарья, Ксения (умерла в детстве), Мария (1907–2000) и два сына – Георгий (1906–1982) и Сергей (1908 г.р.). Детей воспитывали в строгости и в уважении к прислуге; обязательным было обучение иностранным языкам – французскому и немецкому. Непосредственно воспитанием Марии Никитичны, матери М.В. Сорокиной, занималась гувернантка Елена Яковлевна, родом из Ревеля. В семье передают историю о трагической гибели в 1910-х матери Анны Ивановны Татьяны Бабкиной и ее брата Льва Ивановича, ставших жертвами грабительского нападения на их экономию под Гулькевичами. Они были убиты в гостиной своего дома (Бабкины в тот день продали крупную партию шерсти).

Анна Ивановна была очень заботливой, любящей матерью. «Когда дети прощались с мамой перед ее смертью, она просила не оставлять младшего сыночка Сережу. Мальчик имел характер непростой и непокладистый. На

смертном одре ее волновало особенно его будущее. Моя мама и выполнила все, о чем волновалась ее мама. Смогла дать образование своим братьям, так как вышла замуж за порядочного человека на шестнадцать лет старше ее» [26].

Дети любили лошадей, так, у Георгия, старшего сына Никиты Фомича, был свой конь для верховой езды «Франк», а у Марии – рыжая лошадь «Капчук». В усадьбе держали много собак – фокстерьеров, которые получают распространение в России с конца 1890-х; создается даже «Русское общество любителей фокстерьеров и такс» (1900); английских легавых – длинношерстных сеттеров и гладкошерстных пойнтеров. Во время званных вечеров или в семейном кругу, в парковой ротонде дамы нередко курили из длинных мундштуков пахитоски (род дамских папирос), которые входят в употребление в социальных верхах российского общества примерно с 1830–1840-х годов. Пахитоски делались из мелко резаного табака, закрученного в маисовый (кукурузный) лист [27, с. 772]. Жизнь домочадцев протекала в основном в экономии. Никита Фомич приезжал по служебным делам в Ростов-на-Дону, где и встретил в одном из увеселительных заведений свою будущую жену. После смерти Анны Ивановны в 1915 году Никита Фомич вскоре женился на Марии Федоровне Хомутовой – маленькой звездочке кафешантана (Ростов-на-Дону). Фотографии обворожительной певицы, завлекшей успешного предпринимателя, можно было увидеть в витринах донской столицы. Это, действительно, яркая, жгучая женщина, с огромной копной темных курчавых волос, большими карими глазами и красиво очерченными губами. Этот выбор вряд ли вызвал одобрение среди ближайших родственников, особенно его братьев. Он нарушал правила «хорошего тона» – брать в жены дочерей окрестных землевладельцев, предпринимателей и тем самым скрепляя деловые узы родственными, расширяя границы имений и приумножая капитал. В частности, его мать принадлежала к известному роду «экономистов», овцеводов Бабкиных. Возможно, что эти порывы / влечения души, тяга к красивой и беззаботной

жизни, щедрость, доходящая до расточительности, и стали одной из побудительных причин установления имущественного контроля над его именем, что, по-видимому, было волеизъявлением их отца.

Со своей второй женой Никита уехал за границу в 1920 году, но так случилось, что потомки его остались в России. Вначале дети находились на попечении гувернантки, а затем были «разобраны» по родственникам. Мария Никитична в разное время жила в Ессентуках, Пятигорске, Ростове-на-Дону. В 1927 году вышла замуж за овцевода Кордубана, арестованного и расстрелянного в конце 1920-х годов. Дарья Никитична еще до революции вышла замуж за поляка, инженера-путейца Шатковски и уехала с ним за границу на Балканы. Позднее с мужем переехала в Бразилию, вела активную переписку с Марией (Мусей) и по возможности помогала ей. Спустя много лет в одном из писем (конец 1960-х), адресованном Дарье, Мария Никитична вспомнит о годах пребывания у родственников, навеянных эпизодом дня сегодняшнего: «Странно, в прошлом у них было много эгоизма и о родственниках никогда не заботились, я это испытала на своей особе – никому до нас дела не было. Сейчас я очень переживаю, что вы тратите деньги на меня, и ты, Дашенька, не представляешь, как ты меня поддержала в трудное время, теперь два года, и Марина станет на свои ноги» [28].

Никита Фомич, как его брат и племянник, эмигрировал в Королевство СХС в 1920 году, скорее всего, во втором потоке «английской» (или «сербской») эвакуации из Новороссийска (март 1920 г.), оказавшись в числе 7–8 тысяч беженцев, прибывавших партиями по железной дороге из Салоник или Софии [29]. В Королевстве было образовано несколько учреждений, заботившихся об эмигрантах. В 1920 году создается Державная комиссия по делам русских беженцев, ставшая важнейшей организацией в Королевстве для эмигрантов из России, оказывавшая помощь медицинским организациям, основанным и руководимым Российским обществом Красного Креста (РОКК). В этом же году на пожертвования и средства Державной комиссии в черногорском городе Игало открывается Приют Российского общества

Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных, переведенный в 1931 году в Кикинду. «Проживавшие в приюте люди были нетрудоспособными, старыми и больными, многие из них – овдовевшими, у кого-то семьи остались в России. У большинства из призреваемых не было ни доходов, ни имущества» [30, с. 65]. В приют, рассчитанный на 90 человек, принимались лица обоего пола, достигшие шестидесяти пяти лет или утратившие не менее 75% трудоспособности. Для большинства из них, в том числе и русских, среди которых было немало знаменитых военных, это учреждение стало местом их упокоения. В числе призреваемых оказался и Николенко Никита Фомич (1876 г.р., Кубанская обл.), вдовец, прибывший в приют в 1943 году из Белграда. Согласно имеющимся данным, он проживал в приюте до 1949 года, но в 1952 году это учреждение было ликвидировано по причине тяжелого финансового положения. Дальнейшая судьба Никиты Фомича не известна [30, с. 66, 70, 82].

Итак, Братья Николенко владели тремя крупными экономиями в Лабинском и Кавказском отделах Кубанской области, частью унаследованными от их деда и отца, частью созданными при жизни Фомы Акимовича и уже достраивавшиеся после его смерти. Главным местом проживания братьев Николенко стали великолепные усадьбы с барскими домами, парадными воротами, курдонером с фонтаном, подъездными аллеями, парковыми павильонами, лестницами и т.п. Они, как и другие усадьбы сыновей и внуков Акима Семеновича, свидетельствовали о богатстве и процветании купеческой династии, не только не выпустившей из своих рук «завещанной им земли», но и значительно приумножившей ее. «Разнятся стили, как несхожи и типы помещиков, но общий облик усадеб остается один и тот же, и едва ли усадьба – не самая показательная, самая яркая страница в истории памятников нашей архитектуры» [31, с. 568].

Список используемой литературы:

1. *Гангур Н.А., Гангур Д.И., Жданова Л.А.* Усадебное наследие Кубани. Т. 1. Краснодар, 2017.
2. *Гангур Н.А., Гангур Д.И.* Кубанское имение «Барвинок» купца Якова Николенко // *Культура и время перемен.* 2018. № 1(20). URL: timekguki.esrae.ru/36-342
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 500. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 4, 13.
4. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов Присутствий за 1909–1911 годы. Екатеринодар, 1911.
5. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 362.
6. Адреса землевладельцев Северного Кавказа // *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1904 год.* Ростов-н/Д., 1904.
7. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 437.
8. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 372.
9. Отчет о деятельности Доно-Кубано-Терского Общества сельского хозяйства за 1916 год. Ростов-н/Д., 1916.
10. *Барышников М.Н.* Деловой мир России: историко-биографический справочник. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/del/ovo/delovoi_mir/index.htm
11. Справочная книга «Кубань и Черноморское побережье» на 1914 год. Екатеринодар, 1914.
12. ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 5а.
13. *Волошинова Л.* Дома архитектора Л.Ф. Эберга на улице Большой Садовой // *Серебряный век донской столицы.* Ростов-н/Д, 2013. С. 109–111.
14. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 442.
15. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 489.
16. *Щербатов А.* К съезду коннозаводчиков и скотопромышленников в гор. Ростове-на-Дону в 1909 году. Ростов-н/Д., 1909.

17. Кубанские областные ведомости. 1893. № 15.
18. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 234.
19. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3091.
20. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 16.
21. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 485.
22. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 2002.
23. *Леонтович В.* Первые бои на Кубани: воспоминания. Мюнхен, 1923.
24. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / Рос. гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5.
25. *Власов В.Г.* Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб., 2001. Т. 4.
26. Из воспоминаний Марины Вячеславовны Сорокиной, дочери Марии Никитичны, урожденной Николенко. Архив авторов [запись от 07.05.2018 г.].
27. *Беловинский Л.В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории. XVIII – начало XX в. М., 2003.
28. Личный архив Марины Вячеславовны Сорокиной. г. Санкт-Петербург.
29. *Арсеньев А.* Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый Журнал / The New Review. 2010. № 259. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2010/259/aa18.html>
30. *Живанович М.* Приют Российского общества Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017.
31. *Лукомский Г.К.* Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Русская провинция. Пг., 1916.